

Анна Ланова

Идеальная мишень
для
МАЖОРА

Лиана Ланова

Идеальная мишень для мажора

«Литнет»

2025

Ланова Л.

Идеальная мишень для мажора / Л. Ланова — «Литнет», 2025

— Эту я забираю, — отчеканиваю я, и на мои губы сама собой наползает хищная, уверенная ухмылка. В глазах зажигаются холодные огоньки предвкушения.— Вершинин? Ты ведь никогда не участвовал в наших... играх.— Ну, на последнем году решил немного развлечься, — холодно, почти ледяным тоном произношу я, смиряя всех предупреждающим взглядом. — Проблемы какие-то?Кабанов, встретившись со мной глазами, мгновенно трусливо отводит свой взгляд в пол.— Дёма... — с обидой и ревностью в голосе подходит ко мне Марина. — Тебе правда так понравилась эта... нищенка?Черт возьми, да. Мне чертовски, до безумия понравилась эта наглая стерва, которая посмела отшить меня, Демьяна Вершинина, как какого-то заурядного неудачника. Эта мысль сжирает меня изнутри, рождая жажду мести.— Я просто хочу немного повеселиться, — улыбаюсь я, качая головой.И я обязательно повеселюсь. Я втопчу ее гордое, высокомерное самомнение в самое грязное дно, чтобы она больше никогда не мнила из себя неприступную королеву.Я уничтожу ее.***Каждый год, по традиции, наша группа устраивает забавную игру, смысл которой заключается в том, чтобы влюбить в себя девчонку из бедной семьи, а потом опозорить ее так, чтобы несчастную вытурили из универа. И в этом году мишенью будет Сергеева Милана — высокомерная стерва, возомнившая из себя королеву. Ну ничего, я быстро сниму с нее корону и укажу на ее месте. Пойду на все, чтобы эта дура пожалела о том, что натворила.***В книге есть:— Избалованный мажор, привыкший, что ему все достается просто так— Гордая и не дающая себя в обиду красавица-героиня— Противостояние характеров— И много-много страстной любви♥#

© Ланова Л., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

1 глава	6
2 глава	12
3 глава	17
4 глава	20
5 глава	24
6 глава	28
7 глава	32
8 глава	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

1 глава

ДЕМЬЯН

Дверь спорткомплекса с противным скрипом поддается под моим напором. Внутри пахнет резиновыми матами, потом и дорогим ароматизатором, которому все равно не удастся ничего перекрыть — стандартный коктейль для такого места. Я поправляю спортивную сумку на плече, чувствуя, как приятно ноют мышцы. Утренняя тренировка выжала из меня все соки. А теперь предстоит тренировать мелких сопляков, которые точно добьют меня. А завтра еще и чертова учеба начинается. Чтоб ее.

Лифт медлит, будто издевается. Я прижимаюсь к холодной металлической стене, чувствуя, как усталость наливает мышцы свинцом. Резкий звук открывающихся дверей возвращает меня в реальность. Шаг внутрь. Кнопка десятого этажа. Облокачиваюсь на зеркальную стенку, уже представляя, как через пару минут буду строить своих сорванцев, которые несмотря на то, что боятся меня, все равно умудряются чудить. Хотя чему удивляться. Я таким же был.

Дверцы начинают сходиться.

И вдруг в лифт врывается девушка.

Пиздецки красивая девушка.

Длинные чёрные волосы, рассыпавшиеся по плечам, будто шёлковый водопад. Пухлые губы, слегка приоткрытые от быстрого дыхания. Она резко тыкает пальцем в кнопку двенадцатого этажа, и я замечаю её руки — изящные, с длинными, острыми коготками бордового цвета.

Мой взгляд скользит ниже. Она невысокая, но, блять, какая же у нее фигура. Узкие чёрные легинсы обтягивают округлые бёдра, крохотный спортивный топ оставляет открытым плоский живот с заметными мышцами пресса. Грудь полная, соблазнительно приподнимающаяся с каждым вздохом. Однозначно троечка. Загорелая кожа, шелковистая, будто полированная, переливается под тусклым светом ламп. Раньше я эту сочную малышку здесь не видел. Скорее всего недавно сюда пришла. И судя по горяченькой фигуре она наверняка занимается какой-нибудь гимнастикой или танцульками.

— Новенькая? — хрипло произношу я, привлекая ее внимание. — Не видел тебя здесь раньше.

Когда она поворачивается ко мне, меня нахуй прошибает током.

Ярко-синие глаза, холодные, как арктический лед, но с искоркой где-то внутри. Прямой, чуть вздернутый носик, от которого так и хочется провести пальцем вниз, к пухлым, сочным губам. Они блестят каким-то вишневым блеском, словно только что облизнуты. Пышные ресницы, густые, будто накладные, но я чутьем понимаю — натуральные. И скулы... черт, эти скулы! Выточенные, высокие, такие, что даже Анджелина Джоли бы позавидовала.

Молодая Меган Фокс в своем прайме. Только гораздо горячее.

Жду, что она сейчас от меня разомлеет и тут же начнет строить глазки, воркуя со мной. Но к моему удивлению она лишь хмыкает и отворачивается. Хмыкает, блять. И отворачивается, будто я — пустое место.

Я замираю.

Она меня... проигнорила?

— Эй, ты немая что ли? Я тебя вопрос задал вообще-то.

— Не горю желанием на него отвечать, — холодно откликается эта снежная королева.

Чего блять?

Я привык к другому. Девчонки обычно млеют, когда я на них смотрю. А эта... эта снежная королева даже бровью не повела.

Хотя не стоит удивляться. Такая горячая штучка, как она, явно не обделена вниманием мужского пола поэтому и привлечь ее внимание тяжело.

Но тут лифт дергается, раздается тревожный щелчок — и мы резко останавливаемся между восьмым и девятым этажами. Лампочки гаснут, только аварийный свет продолжает тускло мерцать.

Опять.

В шестой раз за этот месяц.

Обычно это меня бесит.

Все-таки приличный спорткомплекс, где занимаются детишки богатеньких отпрысков, а лифт починить никак не могут. Однако сегодня это как некстати вовремя.

— Что такое? Почему не едем? — хмурится эта милашка, удостоив меня своим взглядом.

— Лифт застрял, — пожимаю плечами. — Минут через десять-пятнадцать заработает. Это здесь в норме.

— Что значит десять-пятнадцать минут? У меня занятие начнется через пять минут! — возмущается она.

— Не у тебя одной, — хмыкаю я, опускаясь на корточки. — Но пока кто-то не заметит, что лифт не работает, нас не вызволят. Так что падай. Знакомиться будем.

Горячая незнакомка лишь брезгливо поджимает губы и отворачивается от меня. Вот сучка.

Решаю побыть джентельменом, что на меня не очень-то и похоже. Снимаю с себя спортивную олимпийку от очень известного бренда за несколько десятков косарей. Кидаю ее на пол и хлопаю по ней, приглашая эту жгучую брюнетку присесть.

— Присаживайся, олимпийка чистая, сегодня только надел, — уверяю ее, стараясь взять ее своей харизмой, но ни в какую.

— Спасибо, я постою, — холодно отзывается она.

— Да брось, хорош ломаться, нам тут торчать еще нормально так.

Без толку. Она все также стоит, уперевшись в двери лифта. Тяжело вздыхая, начиная раздражаться. Ненавижу сложности.

Поднимаюсь с пола и поднимаю свою олимпийку, отряхиваю ее. Приближаюсь к этой хладнокровной незнакомке. С усмешкой подмечаю, что вблизи она совсем крохотная. Едва достаёт мне до плеча. Девчонке то, что я приблизился, явно не нравится. Вон вся напрягается, хмурится и выпрямляется как струна на гитаре.

— Отодвинься. Немедленно, — вытягивает маленькую ладошку, чтобы остановить меня. — Здесь и так мало места.

Не обращаю внимания на ее слова и приближаюсь еще ближе, заставляя девчонку уткнуться в угол небольшого лифта. Она крайне возмущена происходящим и судя по нахмуренным бровкам и глазам, стреляющим в меня молнии, явно злится. Кладет обе ладошки мне на груди и пытается меня оттолкнуть, пытаясь как воробушек. Но куда уж там этой крохе тягаться со мной. Я даже и не замечаю ее слабеньких попыток.

— Что ты творишь?! Совсем ополоумел?! Немедленно выпусти меня! Я кричать буду!

— Можешь кричать сколько угодно, все равно никто не услышит, — шепчу ей на ушко, отчего она вздрагивает и покрывается мурашками. — Я же по-хорошему познакомиться хотел, но теперь придется по-плохому.

Опускаю руку на тоненькую, подтянутую талию и слегка сжимаю ее, отчего она впадает в ступор. Но в следующий же миг начинает активно сопротивляться, пытаюсь вырваться. Бесплезно. Одной рукой фиксирую ее руки, ухватившись за два тоненьких запястья, ногами зажимаю ее стройные ножки.

— Отпусти меня! Ты! Я напишу на тебя заявление! — начинает кричать она, впадая в ужас.

Кажется, напугал эту малышку. Пора прекращать с этим. Или может еще чуть-чуть ее помучать?

— Вперед, — невозмутимо говорю я, ухмыляясь. — Только вот не поможет. Да и доказать ничего не сможешь.

Наклоняюсь еще больше и губами прикасаюсь к нежной лебяжьей шейке. Она вся дрожит и тяжело дышит, заводя меня еще больше. Пытается вырваться, но у нее не выходит. Начинает паниковать и я отчетливо вижу в ее глазах животный страх. Походу, переборщил слегка.

Отпускаю ее и отхожу, посмеиваясь над ней. Она заторможенно моргает и смотрит на меня так растерянн, что даже жаль ее становится.

— Какого черта? — цедит она.

На смену испугу и растерянности приходит злость. И черт, как же она хороша, когда злится.

— Сорян, милашка, но ты сама напросилась. Нос воротила и смотрела так свысока. Вот и решил тебя проучить.

— Ты ненормальный, — ядовито выплевывает эта змейка, краснея от стыда и ярости. — придурок.

— Ага, а ты высокомерная сука, — говорю я, очаровательно улыбаясь. В этот момент лифт наконец включается. Быстро доезжает до десятого этажа и останавливается, раскрывая дверцы. — Будь попроще, иначе точно попадешь в такую ситуацию. А еще запомни, что я терпеть не могу, когда меня игнорят. В следующий раз я не остановлюсь.

Подмигиваю ей и выхожу из лифта, оставляя эту милашку в шоке и растерянности.

Хмуро оглядываю толпы первокурсников, которые толкаются, пытаюсь пробраться к своей группе. Меня в том числе задевают ни один раз, отчего я раздраженно вздыхаю. Как же я ненавижу толкучку. А еще ненавижу чертово первое сентября.

Поворачиваюсь и, наконец, замечаю своего друга, вальяжно вышагивающего ко мне навстречу и расталкивая всех первашей.

— Ну наконец-то, — говорю я и пожимаю ему руку. — Серый, я уж думал, ты меня на произвол судьбы здесь кинуть решил.

— Ну ты чего, Дёмыч, как я могу на последнем курсе своего друга бросить? — соорив грустное выражение лица, протянул Хитров. — Я не могу предать своего любимого, — хлопая длинными ресничками, как какая-то девчонка, восклицает он.

— Фу, Хитрый, давай без этой мерзости, — морщусь я, не перенося, когда друг изображает из себя какую-то телку. — И так тошно, еще ты добиваешь.

Он, явно довольный реакцией, громко ржет как лошадь какая-то. Хотя даже она и то поприличнее будет.

— А че это ты не в настроение? Ты находишься в самом лучшем месте на свете! Можно сказать, в родном доме, — шутит этот придурок, заставляя меня закатить глаза.

— Хорош хрень нести, бесишь.

— А ты чего раздраженный такой? Не выспался?

— Серый, еще слово и я тебе въебу.

— Туше! — смеется друг, ни капельки не пугаясь. — Что случилось, дружище? Отец с утра мозг выклевал?

— Да лучше б он, — тяжело вздыхаю я. — Вчера такую соску встретил. Просто закачаешься.

— Ну и? Забортавала она тебя что ли? — усмехается друг.

Поджимаю губы, ничего не отвечая. Но друг попал в точку. Она и впрямь меня отшила. Впервые меня отшили. Такого не было никогда в моей жизни. И это здорово подпортило мне самооценку.

— Че, реально отшила что ли? — округлив глаза, переспрашивает Хитров. — Да иди ты, Вершинин! — начинает ржать как умалишенный.

— Захлопнись, придурок. Иначе реально вмажу.

— Самого Демьяна Вершинина девушка отшила. Это что-то из разряда невозможно! — продолжает глумиться он. — Это что это за богиня такая, раз она тебя сочла недостойным? — спрашивает он насмешливо.

Отворачиваюсь, раздраженно сжимая кулаки и со злостью думая об этой пигалице, которая мне покоя не давала весь прошлый день и всю чертову ночь.

Я ведь хотел вновь удачу попытать и еще раз к ней подвалить. Только вот после занятия ее не застал. Даже спрашивал у охранника, как давно ушла эта чертовка. А этот тупица даже и не понял, о ком я говорю. Идиот, как вообще можно пропустить мимо глаз такую красотку.

Внезапно глазами натываюсь на нее. Ту самую стерву, с которой застрял в лифте. Она уверенной походкой, виляя от бедра, в своей коротенькой юбочке и сверху расстегнутой рубашке с ослабленным галстуком направляется к группке первокурсников. Темные, шоколадные, волнистые локоны развеваются на ветру, а худенькие, оголенные ножки уверенно ступают на высоких каблуках, ни капельки не шатаясь.

Черт подери. Сегодня она даже сексуальнее, чем вчера. Такая горячая и пленительная, что так и тянет прорваться сквозь всю эту толпу прямо к ней и впиться в пухлые губы жарким поцелуем, а потом схватить ее под упругий, подкаченный зад и унести нахер в свою берлогу. И больше никогда ее оттуда не выпускать. Присвоить ее лишь себе. Сделать своей игрушкой.

— А вот и она, — ухмыляюсь я, уже расписывая план действий в своей голове.

— Кто? Та, кто тебя бортанул? — смотрит по сторонам любопытный Серега. — Где она стоит?

— Вон, среди первашей тусуется, — указываю пальцем на эту милышку, стоящую рядом со своей группой.

— Фу, блять! Она же страшная уродина! Нахуй ты к ней вообще подкатывал? — восклицает друг, презрительно морщась.

Что несет этот придурок? Перевожу взгляд в ту сторону, куда он смотрит и вижу мужиковатую, одетую в черные балахоны, и до жути уродливую девушку. Блять, ну какой же дебил. Реально думает, что я с такой хотя бы заговорю?

— Ты ебанулся? Куда ты смотришь?! Туда смотри! — беру его за шею и направляю его в нужную сторону. — Видишь вон ту миниатюрную длинноволосую брюнетку с охуительной фигурой?

— Е-мае, — выдыхает Хитров, пораженно замирая и буквально раздевая ее глазами. — Вот эта соска. Я бы вдул.

— Размечтался. Эта стерва нацепила на себя корону и возомнила о себе невесть что, — хмыкаю я, не переставая пожирать ее глазами. — Так что не светит тебе ничего.

— Ну слушай, Дёмыч, я даже не удивлен, что она тебя отшила. Будь я такой соской, даже бы взгляда на тебя не кинул.

— Хитрый, ты сегодня уж больно сильно нарываешься на то, чтоб быть избитым. Ты ведь знаешь, что я не шулки шучу.

Говорю я чистую правду. Однажды я уже избил Хитрова, когда он девчонку у меня отбил. Правда было это в седьмом классе. И на девчонку мне эту было, честно говоря, плевать. Но досталось ему тогда нормально так.

— Ну все-все, спокойно, братуха, — крепко похлопывает меня по плечу. — Поверь мне, эта девчонка еще сама за тобой бегать будет.

— Ты прав, — киваю я, растягивая улыбку до ушей.

И в этот самый момент эта стервочка, словно услышав, о чем мы говорим, перевела взгляд в мою сторону и застыла, округлив глаза. Явно не ожидала меня здесь увидеть. Под-

мигиваю ей и посылаю воздушный поцелуйчик, но натываюсь лишь на недовольный взгляд, полный раздражения. А после эта чертовка и вовсе мне фак показывает и отворачивается. Так, будто меня тут и нет. Рядом с собой слышу, как заходится в смех Серега, говоря о том, что девчонка не промах. Ну а я не в силах отвести от нее взгляда, чувствую, как все внутри меня кипит от ярости и возбуждения.

Что за херня? Почему эта чертовка так легко выводит меня из себя? Заставляет полыхать всем телом, заполняя собою все мои чертовы мысли в голове. Как же она меня бесит. До чертиков просто.

Но в то же время сводит с ума одним своим взглядом ярких синих глаз, в которых так и горит пламя.

— Мальчики, как мы рад вас видеть! — верещит подбежавшая к нам Алмазкина вместе со своей свитой. — Дёма, я жутко по тебе соскучилась! — виснет она на мне, заставляя оторваться от жгучей брюнетки.

— Марин, не висни на мне! — раздраженно отрываю от себя высокую блондинку, которая помешана на мне с первого курса. — И не верещи мне прямо на ухо.

— Ну Дёма! Почему ты такой жестокий? — дуется свои пухлые как у рыбы губешки и смотрит на меня обиженно. — Неужели совсем не скучал по мне, пока я была в Париже?

— Нет.

— Злюка, — хмыкает она, привыкшая к равнодушию с моей стороны. — А я привезла тебе подарочек. Новенький комплект нижнего белья. Все, как ты любишь — черное, с кружевами и подвязками. Испробуешь его сегодня? — шепчет мне на ушко, длинными ноготками почесывая мой затолок.

— У меня сегодня тренировка, — отзываюсь совершенно спокойно, ни капельки не возбуждись от слов Марины.

Черт побери, что за хрень? Какого черта я реагирую таким образом? Я понимаю, что Алмазину я испробовал уже всю и во всех позах. Однако никогда не был против секса с ней, ведь она знает меня вдоль и поперек. Что я люблю, как я люблю и как довести меня до безумия. Но сейчас по нулям. Ничего не испытываю. В голове только незнакомая брюнетка. И представлять я начинаю ее как раз-таки в черном, кружевном белье с подвязками, которые я бы сорвал с нее в порыве страсти. Бля, ну что за нахрен? Почему я так реагирую на эту идиотку?

— Дём, ну ты чего? — удивленно спрашивает Марина. — Какая еще тренировка, когда мы целых два месяца не виделись?

— Марин, не еби мне мозг. Сама прекрасно знаешь, как меня это нервирует, — отмахиваясь от нее в очередной раз.

Блондинка поджимает губы и отходит от меня к своим подружкам-прилипалам. По лицу ее видно, что в обиде на меня, но не испытываю ни капельки жалости. Она с самого начала знала, какой я человек и что все эти отношения мне не нужны. Все, что нас связывает это общий, регулярный трах, не более. Однако Марина вечно пыталась меня сделать своим, делала мне мозги из-за других девушек и вечно закатывала истерики. Но на третьем курсе успокоилась. Смирилась со всем этим, но периодически заскоки у нее все же были.

Решив, что дальше на солнце париться уже неохота, все дружно пошли на чертову первую пару, расталкивая первашей, которые растерянно расступились перед нами.

Прохожу мимо этой брюнетки и запоминаю название группы, чтобы потом глянуть расписание. А затем склоняюсь над ней, упорно делающей вид, что она меня не замечает.

— Добро пожаловать, милашка, — говорю я, заставляя ее посмотреть мне прямо в глаза. — Не думай, что я дам тебе учиться здесь спокойно.

Кидаю ей это напоследок, после чего выпрямляюсь, смотря на нее с высоты своего роста и с усмешкой ухожу. Довольно хмыкаю, когда подмечаю, что лицо ее вспыхнуло от ярости, а маленькие ручки сжались в кулачки.

Что ж, последний год в этом аду обещает быть очень интересным.

2 глава

МИЛА

Оглядываюсь, изучая внимательным взглядом своих одноклассников. По многим из них видно, что они детишки богатеньких родителей. Об этом кричат логотипы дорогих, люксовых брендов на одежде студентов.

Найти обычных среди них людей не получается. Видимо, я единственная в этом логове змей, кто родился в небогатой, среднеобеспеченной семье.

— Ты очень красивая, — внезапно слышу сбоку от себя неловкий комплимент.

Поворачиваюсь и вижу девушку, которая разительно выделяется среди всех студентов. А вот, кажется, и еще одна обычная студентка.

Она довольно высокого роста, крепкая, с длинными черными волосами, убранными в низкий пучок, в очках и одетая в простой, черный спортивный костюм.

— Спасибо, — улыбаюсь ей, растроганная от комплимента. — Ты тоже очень красивая.

О том, что я красивая мне говорили часто. Буквально каждый день. Будь я в обычном магазине, на улице, на учебе или в кафе. Но в основном это говорили озабоченные мужчины, преследующие свои цели, поэтому слышать от девушки такое гораздо приятнее.

— Угу, — бурчит она, отводя взгляд. — Меня Настя зовут, — протягивает свою большую ладошку с черными, короткими ногтями.

— Милана, — киваю ей, отвечая на рукопожатие. — Приятно познакомиться.

— Мне тоже, — скромно улыбается она.

Оглядываюсь по сторонам, осматривая университет, в котором буду учиться ближайшие четыре года. И внезапно натыкаюсь на него. Того незнакомца из лифта, слишком много позволившего себе.

Он смотрит прямо на меня и ухмыляется при этом так плотоядно, словно хищник, готовящийся напасть на свою добычу.

Черт возьми, кто мог бы подумать, что он учится в лучшем вузе страны?! Я думала, что таким отбитым придуркам здесь не место! Хотя, он наверняка один из избалованных мажоров, которые просто так занимают чужие места, не собираясь учиться.

Распрямляю плечи и задираю подбородок выше, высокомерно на него смотря. Нельзя дать ему понять, что я напугана. Он и так вчера опустил меня ниже некуда.

Надо признаться, тогда в лифте я чертовски испугалась. Этот парень выглядел как настоящий, озабоченный маньяк, которому раз плюнуть взять кого-то силой. И ведь будь он более безбашенным, он бы явно это сделал. А я бы даже никак не смогла защитить себя, ведь этот парень просто чертовски огромный. Высокий, два метра точно, накаченный и широкоплечий настолько, что наверняка в проход заходит боком. Ну и судя по тому, на каком этаже он вышел в спортивном комплексе, занимается он боевыми искусствами. Для него мои трепыхания были все равно, что слону дробина.

Показываю ему фак, чтобы он отвернулся и не смел даже смотреть в мою сторону. На что он лишь смеется, выводя меня из себя.

Делаю несколько вдохов, призывая себе успокоиться. Я поступила в лучший университет страны, сегодня должен быть просто отличный день и никакой озабоченный придурок мне его не испортит.

В нашу группу подходит все больше и больше народа и я принимаюсь с интересом разглядывать своих одноклассников.

Внезапно чувствую дыхание за своей спиной. По телу сразу же бегут мурашки, но оборачиваться я не спешу. Знаю, кто там стоит.

— Добро пожаловать, милашка, — шепчет мне на ушко этот ненормальный. — Не думай, что я дам тебе учиться здесь спокойно, — ухмыляется и заставляет посмотреть в его наглые, дерзкие глаза.

После этого разворачивается и уходит вместе с парнем, чуть пониже его. За ним следом идет компания красивых девушек и одна из них, высокая и рыжая, испепеляет меня ненавистным взглядом. Таким, словно я ее маму убила.

Они идут ко входу в универ и перед ними все расступаются. Так, словно они свита какая-то. Элита в этом месте, а остальные лишь их жалкие подданные.

Передергиваю плечами, потирая шею, на которой все еще ощущается дыхание этого гаде-ныша. Делаю несколько вдохов и понимаю, что все одноклассники уперлись в меня любопытным взглядом. Причина их заинтересованности мне неизвестна. Неужели у меня на лице что-то?

— Ты что, знакома с Вершининым Демьяном?! — спрашивает блондинка с голубыми глазами, одна из одноклассниц.

— С кем? — удивленно приподнимаю брови, не понимая, о ком идет речь.

— Ну парень, который только что что-то шептал на ушко. Ты знакома с ним?

Ах вот, о ком она говорит. Вершинин Демьян. Тот самый придурок из лифта. Так, значит, его зовут.

— Не знакома, — сухо отрезаю я. — Вообще не понимаю, зачем он ко мне подошел, — вру я.

— А что он сказал тебе? — любопытно спрашивает другая девочка с ярко-розовыми волосами.

— «Добро пожаловать в университет», — цитирую его слова, опустив лишнюю для них информацию.

— Должно быть, ты ему очень понравилась, раз он снизошел до простой первокурсницы, — завистливо произносит та самая блондинка. — Хотела бы я оказаться на твоей месте.

Да на здоровье! Мне совсем не хочется быть мишенью этого тупого мажорика.

— А он что-то типа местной знаменитости? — невзначай интересуюсь я.

— Шутишь? Ты не знаешь, кто такой Демьян Вершинин?

— Понятия не имею.

— Его отец — Александр Вершинин — владелец самой крупной нефтяной компаний в стране. Еще у него есть своя сеть ресторанов и отелей. Они баснословно богаты! — со звездочками в глазах рассказывает девочка, чьи волосы перекрашены в розовый. — А Демьян Вершинин — старшекурсник и элита этого универа. Все девчонки мечтают стать его девушкой. Но у него уже есть девушка, Алмазкина Марина, дочка известных дизайнеров.

Судя по всему, та рыжая, что испепеляла меня ненавистным взглядом, и есть та самая Марина Алиазкина.

— А я слышала, что эта Марина просто его подстилка и он ее совсем не любит, — хмыкает блондинка.

— Подстилка или нет — это не важно. Факт остается фактом — Марина проводит ночи в объятьях Демьяна и устраняет всех соперниц, которые попадают ей на пути.

Боже мой. Что за ненормальные эти оба? Явно подстать друг дружке.

— Какие же они сплетницы, — шепчет мне Настя.

— И не говори, — смеюсь я.

Ладно хоть один адекватный человек в этом логове избалованных мажориков.

Когда вся группа собирается в сборе, кураторы проводят нам экскурсию. Экскурсия по университету пролетела как один миг. Нас водят по бесконечным коридорам, показывая просторные лекционные аудитории с современным оборудованием, огромную библиотеку, больше похожую на дворец, и даже телестудию. Каждый кабинет, каждая деталь интерьера кричали

о статусе и деньгах. Мои одноклассники воспринимают это как нечто само собой разумеющееся, а я ловлю себя на мысли, что чувствую себя Золушкой на балу, который в любой момент может закончиться.

В конце концов куратор, симпатичный четверокурсник, объявляет, что на сегодня все и что пар в расписании нет.

— Осваивайтесь, отдыхайте, — улыбается он. — Завтра начнется настоящая учеба.

Толпа первокурсников тут же оживляются, разбившись на маленькие стайки. Блондинка и розоволосая уже вовсю строят планы на вечер в каком-то модном клубе, куда, судя по их разговорам, без блата не попасть. И зазывают они на это мероприятие всех из нашей группы.

— Пойдешь? — тихо спрашивает Настя, кивая в их сторону.

— О нет, — качая головой я. — У меня другие планы. Мне еще на работу сегодня нужно.

— Ты работаешь? — удивленно спрашивает она.

— Ну да, подрабатываю хореографом для маленьких девочек, — смущено улыбаюсь я.

Устроилась я туда совсем недавно. Буквально с неделю. А все благодаря моей лучшей подруги, которая неподалеку отсюда работает в кофейне баристой. У Кати есть постоянная клиентка, хореограф танцев. И недавно она говорила, что уходит в декрет и ей нужна замена. Ну и Катя предложила мою кандидатуру. Сначала я, конечно, была не очень уверена. Все-таки я никогда ничему не обучала детей. За моей спиной лишь шесть лет современных танцев, три года классических и три года народных. Но решила рискнуть и ни капельки не жалею.

Мне очень нравится учить моих милых девочек и чувствую я себя на этой работе, как рыба в воде. Да и платят там прилично, поскольку спортивный комплекс, в котором я работаю, элитный и предназначен для детей из довольно обеспеченных семей.

— Ничего себе. Интересно, — кивает Настя. — Ну я тогда пойду. Увидимся завтра, — она кивает и направляется к выходу, двигаясь легко и уверенно для своего мощного телосложения.

— Пока, — машу ей рукой на прощание.

Я еще немного стою в холле, разглядывая витражи на потолке, и наконец решаю, что пора идти. Первый день оказался не таким уж и плохим, если не считать одну «небольшую» неприятность в лице Демьяна Вершинина.

Мысленно уже составляя расписание сегодняшнего дня, я выхожу на парадную лестницу университета. Дневное солнце слепит глаза. Я потягиваюсь, чувствуя, как усталость накатывает на меня, и делаю первый шаг вниз.

И сразу же врезаюсь во что-то очень твердое и большое.

Сильные руки хватают меня за плечи, не давая упасть. От неожиданности я вскрикиваю и поднимаю голову.

Передо мной стоит он. Демьян. Его темные глаза смотрят на меня с насмешливым интересом, а в уголках губ играет та самая наглая ухмылка.

Я пытаюсь стряхнуть с себя его руки, но тщетно — держит он слишком крепко.

— Осторожнее, Милашка, — его голос звучит низко и глухо, отчего подгибаются колени. — Ты ведь не хочешь расшибить такое красивое личико. Жалко будет.

Вновь пытаюсь вырваться. Не выходит.

— Пусти. Иначе ты пожалеешь.

Он смеется, и этот звук заставляет пару проходящих мимо студенток обернуться и зашептаться.

— Нравишься ты мне, милашка. С характером, — он приближается ко мне еще ближе, и я невольно затаиваю дыхание. — Предупреждал же, что не дам учиться спокойно.

— Отстань, — шиплю я, сжимая ремень сумки так, что костяшки пальцев белеют. — Не лезь ко мне.

Его глаза сужаются, ухмылка сползает с лица, сменяясь на мгновение чем-то холодным и опасным. Но через секунду маска самовлюбленного мажора возвращается на место.

— Говорил же, не нужно мне дерзить, — шепчет он на ухо, и кожа покрывается мурашками. — Лучше переводись в другое какое-нибудь место, если хочешь спокойной жизни.

— Да вот еще! — возмущенно восклицаю я. — Буду я из-за такого придурка, как ты, переводиться!

— Ну тогда даже не думай, что сможешь спокойно здесь и дальше учиться, — ухмыляется этот гад и, издевательски поправив ворот моей рубашки, отпускает меня и уходит.

Я хмыкаю, не принимая его угрозы всерьез. Это лишь пустая болтовня.

Однако его слова все равно оставляют неприятный осадок. Я с силой трясую головой, словно пытаюсь стряхнуть и его прикосновение, и этот мерзкий, влажный шепот. Да ну его. Все его угрозы — просто треп мажора, который привык, что мир крутится вокруг него.

Дорога до работы проходит как в тумане. Я смотрю в окно автобуса на мелькающие улицы, но не вижу их. Вместо этого перед глазами стоит его лицо — наглое, с хищной ухмылкой и темными глазами, в которых горит непоколебимая уверенность в своем праве на всех и вся. Меня это бесит. Бесит до дрожи в коленях. Бесит то, как он прикоснулся ко мне, как шептал на ушко, как смотрел, будто я его собственность. Но больше всего бесит то, что я не могу выбросить его из головы.

Входя в двери спортивного комплекса, я уговариваю себя успокоиться и больше не думать о нем.

Работа помогает отвлечься. Десять пар детских глаз, доверчивых и восторженных, — лучшее лекарство. Я показываю базовые позиции, поправляю маленькие ручки и ножки, ловлю ритм музыки и улыбки своих учениц. Здесь, в зале, пахнущем деревом и детством, нет места Демьяну Вершинину с его наглой ухмылкой.

Но стоит только закончиться занятию, и в тишине раздевалки мысли возвращаются снова. Я ловлю себя на том, что в сотый раз прокручиваю нашу встречу на лестнице, придумывая язвительные ответы, которые не смогла выдать тогда, от неожиданности и злости. Это унижительно. Почему он имеет такую власть надо мной?

Весь вечер, пока я еду домой, готовлюсь к завтрашнему учебному дню, его образ преследует меня. Он как заноза в сознании. Я злюсь на него, на его наглость, на его угрозы. Но в глубине души, под всем этим возмущением, копошится крошечный, неприятный червячок страха. А что, если это не пустые слова? Что, если он действительно может сделать мою жизнь в университете невыносимой? Но я отметаю эти мысли, считая их всего лишь бредом избалованного мажора.

Я ложусь спать с твердым решением выкинуть этого человека из головы. Он не стоит ни одной моей мысли.

Следующее утро встречает меня прохладой и пасмурным небом. Я настраиваюсь на учебный лад. Автобус подвозит меня к университету, и я с новыми силами направляюсь к парадному входу, готовая начать день без всяких Вершининых.

Но едва я поднимаю глаза на широкое каменное крыльцо, как сердце мое проваливается куда-то в пятки и замирает.

Он стоит там. Демьян.

Он не просто стоит — он центр притяжения всеобщего внимания. Его мощная фигура в идеально сидящем кожанке кажется еще массивнее. Но это не главное.

Главное — огромный, роскошный букет в его руках. Не просто охапка цветов, а настоящее произведение искусства — бордовые и белые розы, упакованные в изящную бумагу и шелковые ленты. Он выглядит нелепо и одновременно пугающе величественно с этим букетом, который кажется чужим в его сильных, больше приспособленных для кулачных боев, руках.

И он смотрит прямо на меня. Его взгляд, наглый и уверенный, ловит мой еще на подходе и теперь не отпускает, словно пригвоздив к месту.

Вокруг шепчутся. Девушки провожают букет взглядами, полными зависти и обожания.

Я застываю в нескольких шагах, не в силах двинуться с места. Все мои вчерашние решения, вся злость и презрение мгновенно испаряются, сменяясь полной растерянностью. Что ему нужно? Что значит этот букет? Это какая-то новая, изощренная насмешка?

Демьян медленно, не спеша, сходит с крыльца навстречу. Его шаги твердые и властные. Он останавливается передо мной, заслоняя собой весь мир, и протягивает цветы.

— Милана, — произносит он, и его голос звучит не так, как вчера, — без насмешки, почти серьезно. Только в глубине глаз плещется все тот же опасный огонек. — Прими этот букет в знак моего восхищения. И в качестве извинений за вчерашнюю... резкость.

Я смотрю то на него, то на этот нелепый, дорогой букет, не в силах найти слов. Воздух вокруг гудит от любопытных взглядов. Я чувствую себя актрисой на сцене, которая забыла свою роль.

Демьян, заметив мою растерянность, ухмыляется уголком губ. И в этой ухмылке есть все: и вызов, и осознание своей власти, и обещание того, что эта игра только начинается.

Он делает шаг ближе и тихо, так, что слышу только я, шепчет:

— Я ведь говорил, что не дам тебе спокойно жить.

3 глава

ДЕМЬЯН

Я скучающе, почти отрешенно наблюдаю за выпивающими четверокурсниками, которые ведут себя как ебанутые, отрываясь по полной программе. В воздухе висит густая смесь дорожного парфюма и алкоголя — знакомый аромат на подобных вечеринках.

Время уже безнадежно перевалило за три часа ночи, и потихоньку эти придурки начинают успокаиваться. Их дикие пляски сменяются усталым гулом, и они, словно стадо, собираются в тесный круг, тяжело плюхаясь в мягкие кресла и лениво потягивая остатки алкашки. Я остаюсь в стороне, в тени, чувствуя привычную волну превосходства и скуки.

— Марин, ну что, принесла? — раздается голос Кабанова, одного из моих одноклассников. В его тоне слышится нетерпеливая, хищная жадность.

Губы Марины растягиваются в самодовольной ухмылке.

— Ну конечно, — хмыкает она с видом королевы и с театральным пафосом достает из своей дизайнерской сумки ту самую, до боли знакомую ярко-розовую папку, уродливо усыпанную блестками.

Я невольно морщусь, и мои глаза ощущают физическую боль от этого ядерного, кричащего цвета. Ритуал начинается.

Каждый год, по идиотской традиции, Марина, будучи дочкой ректора нашего университета, с важным видом достает инфу с досье на первашей из обычных, нищенских семей. И потом наши парни начинают с азартом торгашей на рынке разбирать девчонку, споря на них, как на скаковых лошадок. Смысл их убогой забавы прост до тошноты: сначала влюбить в себя, очаровать, а потом — публично опозорить, добиваясь того, чтобы жертву вытурили из универа с позором. Никто здесь не хочет пачкать глаза видом бедности. Для них это грязное пятно на безупречной картине их жизни.

Я в этой тупой херне никогда не участвую. И на то есть две железные причины. Во-первых, для меня это было бы слишком просто, до смешного. Ведь каждая встречная девчонка, будь она из высшего света или из глухой провинции, буквально обливается водопадом глупого восторга, едва замечая мой взгляд. Во-вторых, встречаться, даже притворно, с девчонками, которые выглядят как настоящее убожество, мне до одури не хочется. А абсолютно все эти нищенки, судя по прошлым папкам, похожи больше на уродливых, перекореженных существ, словно сошедших с экранов дешевого хоррора «Поворот не туда». На таких у меня даже не встанет, хоть ты тресни.

— Да, не густо в этом году, — расстроено, почти брезгливо вздыхает Кабанов, лениво перелистывая страницы. — Даже не знаю, кого выбрать — почти все сплошь страшненькие, серые мышки.

Я лишь хмыкаю в ответ, ни капельки не удивляясь. Мои мысли витают далеко отсюда, возвращаясь к той самой девчонке из лифта. Значит, она все-таки учится здесь. В голове вертится навязчивый вопрос: кто же ее родители? Я ни разу не видел ее ни на одной из тех закрытых вечеринок или светских раутов, где собирается вся элита, все так называемые «сливки общества». Видимо, недавно сюда переехала.

Внезапно тишину круга взрывает возбужденный возглас одного из одноклассников.

— Ну нихуя себе, а вот это уже интересный экземпляр!

Его слова повисают в воздухе, привлекая всеобщее внимание, в том числе и мое. Ажиотаж нарастает мгновенно.

— Да, вот это та еще соска, — с похотливым придыханием произносит другой, обливаясь и смотря на папку взглядом законченного озабоченного. — Даже удивительно, что среди этой бедноты затесалась такая огонь-красавица.

— Чур, моей будет! — сразу заявляет один из парней.

— Вот еще, выдумал! Я ее первый заприметил!

— Парни, да вы чего? На таких уродцев, как вы, она даже взгляда не кинет. Так уж и быть, ею займусь я, — самодовольно говорит Кабанов.

Мое любопытство, доселе дремлющее, вспыхивает с новой силой. Что за диковинную птицу они там углядели, что подняли такой шум? Неужели среди этого серого стада нашлась кто-то симпатичнее Квазимодо?

Скука мгновенно испаряется. Я неспешно поднимаюсь с кресла, и моя тень накрывает спорщиков. Легким, но не допускающим возражений движением я вырываю папку из рук Кабанова. И замираю.

Среди стандартных, блеклых фотографий я узнаю ее. Ту самую. Девчонку из лифта. Ее лицо, холодное и совершенное, смотрит на меня с анкеты одной из поступивших на бюджет.

Удивленно приподнимаю брови, и внутри меня что-то переворачивается. Не может быть. Хотите сказать, что вот эта снежная королева, что держалась со мной так уверенно и высокомерно, всего-навсего девчонка из обычной, нищей семьи? Да ну бред.

— Эту я забираю, — отчеканиваю я, и на мои губы сама собой наползает хищная, уверенная ухмылка. В глазах зажигаются холодные огоньки предвкушения.

В круге наступает тишина.

— Вершинин? — с нескрываемым сомнением произносит кто-то. — Ты ведь никогда не участвовал в наших... играх.

— Ну, на последнем году решил немного развлечься, — холодно, почти ледяным тоном произношу я, смиряя всех одним лишь предупреждающим взглядом. — Проблемы какие-то?

Кабанов, встретившись со мной глазами, мгновенно трусливо отводит свой взгляд в пол.

— Н-никаких проблем нет, Демьян, — бормочет он, поджимая губы.

— Дёма... — с обидой и ревностью в голосе подходит ко мне Марина. — Тебе правда так понравилась эта... нищенка?

Черт возьми, да. Мне чертовски, до безумия понравилась эта наглая стерва, которая посмела отшить меня, Демьяна Вершинина, как какого-то заурядного неудачника. Эта мысль жгла изнутри, рождая жажду мести.

— Я просто хочу немного повеселиться, — улыбаюсь я, качая головой.

И я обязательно повеселюсь. Я втопчу ее гордое, высокомерное самомнение в самое грязное дно, чтобы она больше никогда не мнила из себя неприступную королеву.

Я уничтожу ее.

Просьпаюсь с тяжелой головой, будто в нее кирпичей накидали. После вчерашней тусовки долго не удавалось уснуть — в башке была одна лишь Милана и план действий того, как я буду покорять ее.

Встаю с кровати, быстро собираюсь и завтракаю. Кидаю взгляд в зеркало перед выходом. Чтобы очаровать эту сучку, я должен выглядеть безупречно. Я всегда хорош, но сегодня должен быть еще более охуителен.

Подъезжаю к пафосному магазину цветов, где обычно покупаю матери цветы, которая просто тащится от них. Ей приятно получить красивый букетик, а мне вдвойне оттого, что порадовал ее. Мать у меня вообще женщина мировая. Сама, без помощи моего ублюдка-отца, открыла свой бизнес по продаже дорогой и качественной ювелирки. Да, он не такой крупный, как у моего отца, но она добилась этого сама и не зависит от него ни капельки.

Торчу там минут двадцать, как идиот, жду пока мне соберут красные и белые розы. Пятьдесят одну штуку. Хотел сначала сто одну розу взять, но эта малышка просто-напросто не удержит такой букет. Поэтому остановился на более скромном количестве.

Смотрю на готовый букет и одобрительно киваю. Выглядит неплохо.

Ну, посмотрим, как она устоит перед таким. Учитывая, что она из обычной семьи, то таких букетов наверняка не видела. Уже представляю, как в ее синих глазах сначала будет шок, а потом та самая дурацкая надежда, которую я втопчу в грязь.

Универ встречает меня своим вечным галдежом. Встаю на крыльце, прислоняюсь к колонне, скучающим взглядом окидывая всех. Студенты смотрят на меня с любопытством, а именно на мой букет. Девчонки перешептываются, гадая, кому это достанется. Я лишь хмыкаю на все эти шепотки. Явно никто не подозревает, что такой роскошный букет достанется обычной, пусть и чертовски красивой, девушке.

И тут я ее вижу.

Она идет ко входу в университет, смотря прямо с гордо поднятым подбородком и чертовски бесит меня своим высокомерным видом. Но больше всего меня бесит, что у меня башку срывает оттого, какая же она красивая.

На ней какое-то простенькое, но чертовски облегающее платье. Бордовое, короткое с длинными руками, но открытыми плечами. Ткань такая тонкая, что угадывается каждая линия тела. Плечи голые, стройные, хрупкие. А ноги, обутые в черные туфельки на высоком каблуке, выглядят просто охуительно.

Я просто зависаю. Словно меня по башке кирпичом шваркнули. В горле пересыхает, а в животе становится горячо и тяжело. Эта картинка — она, в этом платье, с ее бесящей высокомерной мордашкой — врзается в мозг, вытесняя все нафиг.

На секунду я вообще забываю, зачем пришел. Просто смотрю, как она идет, и хочу взвалить ее на плечо и нахер унести отсюда. Уединиться с ней и хорошенько распробовать каждую частичку ее манящего, сексуального тела.

Но долго это не длится. Я встряхиваюсь. Соберись, Демьян, твою мать.

Я же не какой-то чертыналцатилетка, чтобы возбуждаться от простого вида девушки в коротком платье.

Отталкиваюсь от колонны и иду наперерез. Подстраиваю все так, чтобы она подняла голову и уперлась в меня взглядом. С этими дурацкими розами.

Ее глаза, ярко-синие и обычно холодные, становятся огромными. Прямо как у того оленка из детского мультика. Смотрит то на меня, то на цветы, и в ее глазах — не привычное высокомерие, а чистейшая растерянность.

Ухмыляюсь, довольный произведенным на нее впечатлением.

— Милана, — как можно убедительнее натягиваю серьезную маску на лицо. — Прими этот букет в знак моего восхищения тобой. И в качестве извинений за вчерашнюю... резкость.

Слова извинений даются с трудом, но ради достижения своей цели я готов пойти на все.

Она вообще немеет. Стоит, как истукан, и молчит. А вокруг уже шептаться начинают, все смотрят. Вижу, как ей неловко. Отлично. То, чего я и добиваюсь. Сейчас она вообще разомлеет и будет готова на все.

Делаю шаг ближе, вторгаюсь прямо в ее личное пространство. Наклоняюсь к самому уху, чувствую легкий запах вишни, исходящей от него. Черт, она даже пахнет как чертова богиня. Она вся вздрагивает от такой близости.

— Я ведь говорил, что не дам тебе спокойно жить, — шепчу так, чтобы только она услышала.

По ее спине пробегает мелкая дрожь. Ну вот сейчас она точно кинется ко мне в объятия. Но происходит совсем не то, чего я ожидал.

Она отшатывается от меня как от прокаженного чумой. Поднимает на меня злобный взгляд, отчего становятся еще горячее в таком состоянии, и говорит то, что я никак предугадать не мог.

4 глава

МИЛАНА

Воздух стужается, наполненный шепотом и взглядами, которые буквально впиваются мне в спину. Этот букет, его глаза, полные самодовольной уверенности. Он явно ждет, что я сейчас расплывусь в умиленной улыбке, как все эти куклы, вечно околачивающиеся вокруг него. Но вместо этого я чувствую лишь злость и раздражение. Что-то внутри меня, долго копившееся — унижение в лифте, его глупые угрозы, его притворные извинения — прорывается наружу с такой силой, что затмевает весь страх и растерянность.

Я не беру букет. Вместо этого я резко отшатываюсь, будто он протягивает мне не розы, а гнездо змей.

— Вершинин, ты не слышал меня вчера? — мой голос звучит резко и громко, режа напряженную тишину как стекло. — Я же сказала — не лезь ко мне. Или ты не только озабоченный, но и глухой? — ядовито выплевываю прямо в его холенную рожу.

Даже не дождавшись какой-либо реакции на свои слова, пытаюсь обойти его, демонстративно игнорируя протянутые цветы. Мое плечо задевает букет, и несколько лепестков бордовой розы осыпаются на асфальт.

Но уйти мне далеко не дают. Демьян цепко хватается за локоть свободной рукой. Даже не пытаюсь вырваться — знаю, что бесполезно бороться с его нечеловеческой силой.

— Отпусти меня, — холодно поизношу я, смотря прямо в его зеленые глаза. — придурок, — добавляю, уже не в силах совладать со своими эмоциями.

Наступает абсолютная, оглушающая тишина. Шепот стихает. Я вижу лица окружающих — округлившиеся глаза, прикрытые ладонями рты, немое непонимание. «Она сошла с ума?», «Это же Вершинин!», «Как она смеет?», «Она что, только что отшила Вершина, а потом еще и оскорбила его?» — все эти мысли читаются в их потрясенных взглядах.

Я вижу, как меняется лицо Демьяна. Его уверенная, наглая маска на мгновение рассыпается. Он замирает с протянутым букетом, его брови ползут вверх, а глаза выражают чистейший, неподдельный шок. Он явно ожидал чего угодно — смущенного румянца, подобострастной благодарности, может, даже игривого кокетства, но только не этого. Не этой холодной, обжигающей ярости.

И тут по толпе проносится ропот.

— Что она себе позволяет? — шипит кто-то.

— Да она просто дура! Не в своем уме! Ей Вершинин цветы дарит, а она...

— Нищелбродка неблагодарная!

Слова висят в воздухе, шипящие и ядовитые. Но я уже почти не слышу их. Вся моя концентрация — на нем. На Демьяне.

Он медленно, очень медленно опускает руку с букетом. Шок на его лице тает, сменяясь чем-то тяжелым и темным. Он не смотрит на меня. Он поднимает голову и медленно, властно окидывает взглядом замерших вокруг студентов. Его взгляд — холодный, свинцовый, обещающий расправу.

И все разом замолкают.

Тишина становится абсолютной, давящей. Раньше он был мажором с цветами, объектом для обожания и сплетен. Теперь, в одно мгновение, он становится совсем другим человеком — чудовищем, которое внушает страх во все живое.

Он переводит этот тяжелый, леденящий взгляд на меня. В его глазах больше нет ни удивления, ни злости. Лишь холодное, хищное любопытство и безмолвное обещание того, что эта игра только началась.

Не говоря больше ни слова, он отпускает меня и разжимает пальцы. Роскошный букет с глухим шлепком падает у его ног. Демьян беспардонно проходится по этим красивым и наверняка жутко дорогим цветам, миглом превратив его в ничто, и, не оглядываясь, уходит, расталкивая толпу, которая расступается перед ним еще почтительнее, чем раньше.

Я стою, стараясь дышать ровно, чувствуя, как дрожат колени. Я только что публично унизила Демьяна Вершинина. Идиотка. Безумная идиотка. Я ведь сама подписала себе смертный приговор.

Но сквозь ледяющий страх пробивается странное, горькое чувство удовлетворения. Он не получил того, чего хотел. Он увидел не очередную сходящую по нему с ума девушку, а ту, которая никогда и ни за что не поведется на его хитрые уловки.

Сжимая сумку так, что пальцы ноют, я поднимаю голову выше и быстрыми шагами иду ко входу в университет, чувствуя на себе сотни глаз. Пусть думают, что хотят. Спокойной жизни у меня здесь все равно не будет. Значит, придется воевать.

Широкие мраморные ступени парадного входа остаются позади, но тяжелая дверь, кажется, не изолирует от внешнего мира, а выпускает меня в его эпицентр. Воздух в холле университета густой и липкий от шепотов. Он сгущается вокруг меня с каждым моим шагом.

Я иду по коридору, и десятки глаз провожают меня. Они не просто смотрят — они сверлят, сканируют, разбирают по косточкам. Шепот плетется за мной по пятам, как ядовитый хвост.

— Смотри, это она...

— Как у нее язык повернулся...

— Алмазкина ее в порошок сотрет...

Я стараюсь смотреть прямо перед собой, вытягиваю спину в струну, но каждый шепот, каждая усмешка — это крошечный укол иголкой. Это чертовски раздражает. Я всего лишь отвергла парня, а они смотрят на меня, как на преступницу.

Аудитория 204. Я вхожу внутрь, и на мгновение разговоры стихают. Все головы поворачиваются ко мне. Я чувствую жар на щеках, но не от смущения, а от злости. Неужели у них нет других тем для разговоров?

И тут я вижу Настю. Она сидит одна за партой у окна, и на ее лице нет осуждения или любопытства. Там читается тихая поддержка. Я быстро прохожу между рядами и опускаюсь на стул рядом с ней, с облегчением откидываясь на спинку.

— Привет, — выдыхаю я, больше не в силах держать маску равнодушия.

— Привет, — ее голос тихий, но твердый. Она наклоняется ко мне. — Я видела, что произошло у входа. Это было... невероятно. Ты его просто в ноль вынесла.

Я смотрю на нее с удивлением.

— Ты видела? Но тебя же там не было.

— Все видели, Мила, — Настя тихо вздыхает и достает из кармана телефон. — Все. Смотри.

Она показывает мне страничку группы из известной социальной сети и, судя по ее названию «Самые главные сплетни МГУ» — это группа, где обсуждаются все новости нашего университета. И вот оно. Закрепленный пост на самом верху.

Видео. Качественное, снятое на современный телефон. Отлично видно и мое отшатывание, и мое лицо, искаженное гневом, и как мои слова «не только озабоченный, но и глухой?» разносятся по всему крыльцу. А потом — падение букета в лужу и уход Демьяна.

Под видео уже тысячи просмотров и сотни комментариев.

«КОРОЛЕВА!», «Да она просто не в себе, Алмазкина ее съест на завтрак», «Вершинин такого точно не спустит с рук», «Ждем продолжения!».

У меня перехватывает дыхание. Вот откуда они все так быстро узнали. Меня не просто видели. Меня снимали. Нашу небольшую перепалку с Вершининым превратили в публичное шоу для всего университета.

— Так быстро... — бормочу я, глядя на экран с ощущением, что меня раздели догола на главной площади.

— Здесь все происходит быстро, — спокойно говорит Настя, забирая телефон. — Особенно когда дело касается Вершинина. Но слушай, не обращай внимания на этих идиотов. Ты поступила правильно. Этот напыщенный индюк привык, что ему все достается с легкостью. А ты ему показала, что нет.

Ее слова — как глоток свежего воздуха в затхлой атмосфере всеобщего осуждения. По крайней мере, здесь, в этой аудитории, у меня есть один союзник.

Но осадок остается. Глубокий и горький. Я смотрю в окно на серое небо и понимаю: война, которую я мысленно объявила, только что набрала обороты. И боюсь, что совсем скоро не смогу сопротивляться.

Я еще несколько минут сижу, уставившись в стол, пытаюсь переварить этот цирк. Шепот в аудитории потихоньку затихает, уступая место голосу преподавателя, который начинает вводную лекцию. Но я не слышу ни слова. В голове крутится только одно.

Я поворачиваюсь к Насте, которая уже открыла тетрадь и приготовилась конспектировать.

— Насть, слушай, — шепчу я, наклоняясь к ней. — Откуда ты вообще так уверенно обо всем этом говоришь? О Вершинине, о сплетнях в этом универе.

Настя на секунду замирает, ее рука с ручкой зависает над бумагой. Она медленно откладывает ручку и поворачивается ко мне. Ее темные глаза за стеклами очков смотрят серьезно.

— Потому что я знаю, — тихо говорит она. — Я знаю Демьяна, знаю его компанию, знаю всех этих людей. Я видела их ни раз.

Я смотрю на нее, не понимая. На ее простой черный спортивный костюм без единого логотипа, на ее скромный пучок, на отсутствие макияжа.

— Но... где? Ты же не похожа на тех, кто тусуется на их вечеринках.

Уголки ее губ дрогнули в слабой, почти невесомой улыбке.

— Мои родители — Анастасия и Владимир Поляковы. Владельцы сети клиник «ПоляМед».

Я замираю. «ПоляМед» — это имя на слуху даже у меня. Это одна из крупнейших частных медицинских сетей в стране, синоним элитной медицины. Я смотрю на Настю, на ее доброе, чуть неуверенное лицо, на ее практичную одежду, и мой мозг отказывается складывать этот пазл.

— Ты... шутишь? — выдыхаю я. — Но ты же... ты не такая. Ты нормальная.

Она тихо смеется, но в ее смехе нет обиды.

— А какой я должна быть? С накаченными губами, в платье за полмиллиона и с постоянным выражением снобизма на лице, как та рыжая Алмазкина? — Она пожимает плечами. — Мои родители построили бизнес с нуля. Они выросли в простых семьях и научили меня ценить людей, а не их кошельки. Все эти тусовки, показуха... Это не мое. Мне комфортнее вот так. — Она указывает рукой на свой костюм. — И да, я встречала Вершинина. На благотворительных балах, на открытиях новых филиалов. Он, конечно, не помнит меня в лицо — я не из тех, кто лезет в центр внимания. Но я его прекрасно помню. И его манеру общения с теми, кого он считает «ниже» себя.

Я продолжаю смотреть на нее, пораженная. В этом логове змей, где каждый пытается укунить другого побольнее, я нашла действительно хорошую подругу.

— Прости, — бормочу я, чувствуя себя неловко. — Я не хотела тебя обидеть. Просто... я не ожидала.

— Ничего, — она снова улыбается, на этот раз теплее. — Лучше пусть думают, что я «нищая», чем будут подлизываться из-за фамилии родителей. Так спокойнее. А теперь давай слушать лекцию, — она кивает на преподавателя. — А то сплетни сплетнями, а учиться все равно надо.

Я киваю, все еще не в силах полностью осознать эту информацию. Но внутри загорается маленькая искорка надежды, что учеба в этом месте будет не так плоха.

Но я даже не подозревала, как ошибаюсь.

5 глава

ДЕМЬЯН

С тупой, слепой яростью луплю по груше, выбиваю из себя всю дурь, скопившуюся за этот адский, бесконечный день. Отчаянно хочу выплеснуть наружу, выжечь каленым железом все эти чертовы, ядовитые эмоции, что разъедают изнутри, не давая ни секунды покоя. А виной всему она — чертовая, горячая стервочка с невъебенным самомнением, которая въелась в мой мозг, как наваждение.

— Здравсьте, Демьян Александрович!

Голоса пацанов выдергивают меня из плена оглушающего гнева. Я бросаю взгляд на истерзанную грушу, которую явно стоит заменить после моих всплесков, и разворачиваюсь к ним. Передо мной стоят трое сопляков, глядящих на меня с немим, глупым восхищением. Видать, видели мое жалкое представление. Обычно их восторженные взгляды тешат самолюбие, но сегодня, сквозь кипящую внутри ярость, они вызывают лишь тошнотворное раздражение.

— Чего приперлись так рано? — процеживаю я сквозь стиснутые зубы, пренебрегая всякими приветствиями, с трудом сдерживаясь, чтобы не зарычать.

— Так до тренировки десять минут, — слишком бойко рапортует Пашка, главный заводила.

— Ну и чего столпились, как козлы на выпасе? Бегом в раздевалку! Кто на минуту опоздает — сотню отжиманий получит! — выпаливаю я, с наслаждением вкладывая в слова всю накопившуюся злобу.

— Яснопонятно, тренер сегодня не в настроении, — пробурчал Игорь, самый смелый из них.

— А ну, помалкивай, Соколов! — рявкаю я, и мальчишки, словно испуганные тараканы, шустро кидаются к раздевалке. — Совсем обнаглели, — шиплю я им вслед, чувствуя, как трясутся руки.

Всему виной она, сучка, которая не лезет из башки, которая унизила меня, отшила как последнего неудачника на глазах у всего универа! Черт подери! Еще никто и никогда не унижал меня так, как сделала сегодня эта нищенка! И этого я никогда не забуду и отомщу стерве с лихвой.

Спустя десять минут все восемь моих подопечных, которых я гоняю пять раз в неделю, выстраиваются передо мной в шеренгу. Я медленно, тяжелыми шагами, прохожу вдоль строя, изучающе, почти бешено вглядываясь в каждое лицо. Ищу, на ком можно сорвать зло, выместить всю эту чертовщину, что клоочет внутри. А она, зараза, так и пылает у меня в груди раскаленным углем, сжигая остатки самообладания.

И нахожу. Замечаю свежие, малиновые синяки на физиономиях Воронина и Завьялова. Зная, что эти двое — лучшие бойцы в группе — терпеть не могут друг друга, все сразу становится кристально ясно. Подрались. Идеальный повод.

— Завьялов, Воронин! А вы чего это такие разукрашенные? — ехидно, с притворным спокойствием, интересуюсь я, чувствуя, как закипает ненависть — и к ним, и к себе, и к ней. Оба вздрагивают и уставляются в пол, словно виноватые щенки. — Опять выясняли отношения, сосунки?

В обзывательствах и строгости я не стесняюсь. Без этого — никак. Не удержать буйный нрав этих пацанов. Мой тренер, бывало, мог и леща отвесить так, что искры из глаз сыпались. Так что я с ними еще по-отечески мягок — руку никогда не поднимал. Но сегодня внутри так гадко, что хочется кричать до хрипоты.

— Я вам что говорил, придурки? Драться только на ринге! Какого хрена вы опять своевольничаете?! — ору я, с животным наслаждением выплескивая на них свою ярость, всю ту боль, что оставила после себя Милана. — Молчите? Страх весь потеряли? Сейчас верну! Упали-отжались, пятьдесят раз! А потом для вас отдельная, жесткая программа будет.

Тренировка получается и впрямь садистской. Выжав из пацанов все соки, до последней капли, я отправляю их в раздевалку и сам иду в душ. Ледяные струи воды должны смыть пот и остудить пыл, но образ Милы вновь появляется в голове, отчего я раздраженно рычу, ударяя кулаком по стенке душевой. Этот сексуальный образ вьелся под кожу, в самое нутро, сводя меня с ума.

Не осознавая до конца, что делаю, я поднимаюсь на двенадцатый этаж. Тот самый. Там, где находится хореографический зал. Где, возможно, застану ее. Сердце колотится где-то в горле, гневно и тревожно.

Дверь в зал приоткрыта. И я застываю на пороге, как вкопанный, затаиваю дыхание.

Она здесь. Музыка — томный, чувственный, дьявольский ритм — льется из колонок. И она... она словно парит. Высокие каблуки делают ее ноги бесконечными, а каждое движение бедер, каждый взмах руки, каждый изгиб запястья — это чистое, доведенное до автоматизма, до боли желанное искушение. Она танцует одна, глядя на свое отражение в зеркале, полностью отдавшись музыке. Это не та злая, ядовитая фурия, что оскорбляла меня утром. Это другая. Сексуальная, уверенная, недостижимая и от этого еще более ненавистная и манящая.

И черт возьми, у меня моментально и предательски встает. Кровь тяжелым, густым молоком бьет в голову, смывая остатки ярости и оставляя лишь одно — жгучее, неконтролируемое, удушающее желание. Желание и ненависть, сплетенные в один тугой узел.

Я отступаю в тень коридора, прислоняюсь к прохладной стене, пытаюсь остудить пылающую кожу, и наблюдаю за ней, за тем, как свет играет на ее шее, на опасном изгибе спины. Эта сука, эта ведьма... Что она творит со мной?

Музыка не смолкает, но танец обрывается. Резко, на полуслове, как обрезанный ножом. Ее тело вздрагивает, словно от удара током. Широко распахнутые синие глаза, в которых читается шок, а за ним — мгновенная, животная настороженность, уставляются прямо на меня, прожигая темноту. Она замирает, грудь быстро, часто вздымается под обтягивающим топом, выдавая ее страх.

Не сводя с нее горящих глаз, я медленно, почти лениво, с показным спокойствием, которого нет внутри, отталкиваюсь от стены. Шаг. Еще один. Мое отражение в зеркале надвигается на ее испуганное — большое, грозное, заряженное невысказанной угрозой и похотью, смесью ненависти и вожделения.

Я иду к ней, не ускоряя шаг, чувствуя, как с каждым движением напряжение в зале нарастает, становясь почти осязаемым, густым и тяжелым. Она не двигается, парализованная, будто загнипнотизированная, прямо как кролик перед удавом.

Я проучу эту стерву прямо здесь и сейчас.

Она, словно очухавшись, начинает отступать. Медленно, замороженно, не сводя с меня глаз, отходит на шаг, потом на другой. Ее спина натывается на холодную стену, и она замирает, словно птица, прижатая к стеклу. Отступать больше некуда.

— Ты... что ты здесь делаешь? — ее голос, обычно такой уверенный и звонкий, сейчас — всего лишь сдавленный шепот. В нем дрожит испуг, и эта дрожь сладостно отзывается во мне.

Я приближаюсь вплотную, нарушая ее личное пространство. Мое тело почти касается ее, я чувствую исходящее от нее тепло, сладкий вишневый аромат, от которого срывает башку, слышу ее учащенное, сбитое дыхание. Хищная, широкая ухмылка расползается по моему лицу.

— А что, смотреть на то, как ты соблазнительно двигаешься, нельзя? — говорю я низким, обволакивающим голосом, глядя на ее манящие губы. — Танцуешь ты пиздецки сексуально. До мурашек. У меня даже встал.

Прежде чем она успевает что-то ответить, я резко упираюсь ладонью в стену прямо над ее плечом, загораживая ей путь. Вторая рука находит опору с другой стороны, и вот она уже в ловушке, припечатана между моими руками, заключена в клетку из моего тела и гнева.

— Вершинин... отойди, — ее попытка звучать твердо проваливается, превращаясь в жалобную мольбу. Она пытается оттолкнуть меня, упираясь ладонями в мою грудь, но ее усилия — что щенячий писк. Ее худенькие руки бессильны против моих мышц, налитых адреналином и яростью.

Я лишь глубже вжимаю ее в стену, чувствуя, как ее хрупкое тело сковывает страх. Она вырывается, но это бесполезно. Ее паника лишь сильнее разжигает меня.

Наклоняюсь ниже, так близко, что наши лбы почти соприкасаются. Она замирает, ее синие глаза, расширенные от ужаса, пойманы моим взглядом. В них я вижу свое отражение — искаженное злобой и желанием.

— Ты унизила меня, — произношу я тихо, почти ласково, но каждое слово падает, как камень. — Прямо перед всем универом. Назвала озабоченным. Отшила, как какого-то жалкого придурка.

Я делаю паузу, давая ей прочувствовать всю тяжесть этих слов, всю глубину своей ненависти.

— И ведь это был уже второй раз, — мой голос снова становится жестким, стальным. — Сначала в лифте... а потом в универе, на глазах у всех. Ты снова и снова пытаешься меня унижить. Хотя я предупреждал тебя, чтобы ты не вела себя как высокомерная сучка. Но ты сделала по-своему, и такое... я просто так не могу простить, — я прижимаюсь к ней еще ближе, чувствуя каждый изгиб ее сексуального тела. — Я возьму то, что так сильно хочу. Я возьму тебя.

Ее глаза расширяются от ужаса, губы приоткрываются, чтобы что-то сказать, но я не даю ей шанса.

Мои губы грубо прижимаются к ее губам, заставляя ее отшатнуться. Сначала она замирает в шоке, затем начинается отчаянная борьба. Ее руки бьются о мою грудь, ногти впиваются в кожу через тонкую ткань футболки. Она пытается оттолкнуть меня, повернуть голову, но я лишь сильнее прижимаю ее к стене, ловя ее губы снова и снова.

Ее губы мягкие, упрямые, они сопротивляются, сжатые в тонкую линию протеста. Но я неумолим. Моя рука скользит в ее шелковистых волосах, мягко, но твердо удерживая ее голову в нужном положении. Я чувствую вкус ее помады — что-то сладкое, фруктовое, и этот вкус сводит меня с ума.

Она издает приглушенный звук протеста, но он теряется где-то между нашими губами. Ее тело продолжает вырываться, каждый мускул напряжен в сопротивлении. Но с каждым ее движением, с каждой попыткой вырваться, моя хватка становится только крепче. Я впиваюсь в ее губы с новой силой, заставляя их поддаться, разомкнуться под напором моего языка.

И тогда спустя некоторое время ее сопротивление начинает таять. Ее тело все еще напряжено, но борьба из него уходит. Ее губы, еще мгновение назад сжатые в упрямую линию, теперь размягчаются под моими. Руки, которые только что отталкивали меня, теперь беспомощно лежат на моей груди.

Я чувствую, как ее дыхание, ранее частое и прерывистое от паники, теперь срывается. Оно становится глубже, и в нем появляется что-то еще... что-то кроме страха.

Но я не останавливаюсь. Этот поцелуй — не про нежность. Это завоевание. Это месть. И я погружаюсь в него с темной, мстительной радостью, чувствуя, как наконец-то она поддается.

В скором времени я отрываюсь от ее губ. Мои легкие горят, сердце колотится как бешеное, но на моем лице — победная ухмылка. Я смотрю на нее, на ее запрокинутое лицо с полуприкрытыми глазами, на разгоряченную кожу и распухшие, влажные от моего поцелуя губы. Она выглядит абсолютно растерянной и ошеломленной.

Медленно, давая ей прочувствовать всю унижительность момента, я разжимаю руки и отступаю на шаг, выпуская ее из заточения. Она тут же опирается о стену, словно ее ноги подкашиваются, и делает резкий, ловищий ртом вдох.

— Видишь? — говорю я тихо, но так, чтобы каждое слово впилось в нее. — А говорила, что не хочешь. Но твое тело явно думает по-другому. Тебе понравилось. Ты буквально растаяла у меня в руках, Мила, — издевательски произношу ее имя, наблюдая за ее реакцией на мои слова.

Эффект мгновенный. Ее щеки, еще секунду назад бледные, заливаются густой, стыдливый румянец. Она смотрит на меня с таким ужасом и ненавистью, что, кажется, воздух вокруг трещит. Ее собственная реакция, ее предательское тело унизили ее куда больше, чем я мог бы сделать это словами.

— Ты... ты животное! — вырывается у нее хриплый, дрожащий шепот.

И прежде чем я успеваю среагировать, ее рука взмывает в воздух и обрушивается на мою щеку с приличной такой силой для ее худеньких ручек. Звонкий, оглушительный шлепок эхом разносится по пустому залу.

Я не останавливаю ее. Просто стою, чувствуя жгучую полосу на своей щеке, и не свожу с нее глаз. Моя ухмылка лишь становится шире.

Она, тяжело дыша, смотрит на меня еще секунду — в ее глазах буря из ярости, стыда и слез, — а затем резко разворачивается и почти бежит к выходу, к двери в раздевалку. Ее плечи напряжены, походка сбивчива. Дверь с грохотом захлопывается за ней.

Я остаюсь один в тишине зала. Поднимаю руку, провожу пальцами по горячей щеке. И тихо смеюсь. Глубоко, с наслаждением.

Первый шаг сделан. Самый важный. Я проломил ее ледяную броню, заставил ее тело ответить мне. Эта пощечина... это не отказ. Это последняя отчаянная попытка защитить свое разбитое самомнение.

Я поворачиваюсь и ухожу, чувствуя вкус ее помады на своих губах и ее стыд на своей коже. Сегодня эта строптивая малышка растаяла от моего поцелуя. А совсем скоро... совсем скоро она будет стонать подо мной, умолять трахнуть ее, влюбленная в меня без ума.

Игра только начинается. И я уже знаю, кто в ней будет победителем.

6 глава

МИЛА

Я отстраненно помешиваю ложкой клубничный чай с мятой, размазывая мякоть по стенкам кружки. Напиток, который налила мне подруга, уже давно остыл, а я так и не сделала ни глотка. И все из-за того озабоченного придурка, который посмел насильно поцеловать меня.

Я поджимаю губы, которые, кажется, все еще горят огнем, помня его грубые, властные прикосновения. Боже, ну зачем он это сделал?! И как он вообще там оказался? Почему я не заметила его раньше?

Хотя, даже если бы и заметила, избежать случившегося вряд ли бы удалось. Этот двухметровый шкаф не дал бы мне просто так уйти, не получив своего.

— Мил, ну ты чего такая задумчивая? И к чаю даже не притронулась, — пользуясь свободной минуткой, спрашивает меня Катя, протирая граненый стакан. — Рассказывай давай, что случилось!

После занятий я часто захожу к подруге в кофейню, где она работает. Катя наливает мне чай или кофе, и мы болтаем, если она не занята. Но сегодня разговаривать мне совсем не хочется.

— Да так, — отмахиваюсь я, не желая говорить об этом.

— Ну Мила! Расскажи, что случилось! Я ведь не чужой тебе человек, — подруга надувает пухлые губы.

И впрямь, назвать Катю чужим человеком язык не поворачивается. Мы дружим с самого детства, и порой мне кажется, что роднее нее у меня никого нет. Даже к родителям я не испытываю такую же привязанность, как к ней.

— Долгая история, — вздыхаю я. — Так просто и не расскажешь.

— Ну мне еще два часа работать, а гостей особо и нет, — подмигивает она. — Я вся во внимании.

— Не отстанешь, да? — обреченно говорю я, слабо улыбаясь.

— Неа! — задорно восклицает она, хихикая.

Что ж, тогда я решаюсь и рассказываю Катьке всё. Всё про этого грёбаного Вершинина. Про то, как мы столкнулись в лифте, как встретились на линейке, как он принёс тот дурацкий букет и пытался вручить его перед всем универом. И, заливаясь краской стыда, — про его наглый, захватнический поцелуй.

Реакция Кати непередаваема. Подруга ругается, не стесняясь в выражениях, несколько раз громко ахает от шока и возмущения.

— Вот же урод озабоченный! — горячится Катя, хмурясь. — Как он вообще посмел насильно тебя целовать?! Он в курсе, что это считается домогательством?! Да я бы ему такое устроила...

— Катя, проблема даже не в том, что он сделал это насильно, — перебиваю я её, снова чувствуя, как горят щёки. — А в том... что мне это понравилось. Сначала я испугалась, да. Но потом... потом мне захотелось продолжения, и я... я почти начала отвечать ему. Меня пугает именно это.

— Стоп-стоп-стоп, — качает головой она, словно не веря мне. — Повтори, я, кажется, ослышалась. Тебе... понравилось? Мила «Снежная Королева» Сергеева, которой плевать на всех мужиков на планете, получила кайф от того, что какой-то верзила прижал её к стене и силой залез своим языком в рот?

— Перестань, Кать, не настолько я хладнокровная.

— Шутишь, Мил? Да тебе за все четырнадцать лет, что я тебя знаю, признавались в любви и подходили познакомиться раз двести точно. И ты всех отшила.

— Ну уж не двести раз точно! — протестую я.

— Я не выдумываю, а лишь констатирую факты, — цокает языком Васильева.

Я пожимаю плечами, не собираясь соглашаться, хотя доля правды в её словах есть. Ко мне и правда часто подходят, мне признавались многие, и меня постоянно кто-то пытался «подцепить». Я всегда всем отказывала, ведь на первом месте была учёба, на втором — танцы. Какие-то отношения меня никогда не интересовали. До сегодняшнего дня. До того момента, пока Демьян Вершинин не вломился в мою жизнь и не перевернул всё с ног на голову.

— Так что же мне делать? — срывается у меня вопрос, полный отчаяния и смятения. — Я не могу перестать об этом думать. Эти мурашки, которые бегут по коже от одного воспоминания о его прикосновениях... А от того поцелуя... Катя, у меня чуть крышу не снесло. Я себя не узнаю.

Катя смотрит на меня очень серьезно, ее веселое выражение лица сменяется озабоченным.

— Слушай меня внимательно, Мила, — говорит она, понижая голос. — Тебе нельзя, слышишь, нельзя поддаваться этим чувствам. Никаких «мурашек»! Этот тип — опасный. Он не просто так выбрал тактику натиска и унижения. Он почуял твою слабость, твой интерес, и теперь будет давить именно на это. Он воспользуется тобой, поиграет, а потом выбросит, как тот самый букет. Ты для него — трофей. И ты не должна позволить ему себя завоевать.

Я слушаю Катю и понимаю, что она права. На сто процентов права. Это лишь игра, охота за трофеем. Демьян Вершинин — хищник, а я для него — добыча, которая неожиданно показала, что поддается панике. И теперь он не отстанет.

— Ты права, — тихо выдыхаю я, отодвигая от себя холодную кружку. — Ты абсолютно права. Нужно держаться от него подальше.

Но внутри у меня все сжимается в тугую, болезненный комок.

Я откидываюсь на спинку стула, и перед глазами снова всплывает его образ. Большой, опасный, от которого по телу бегут мурашки... и от которого перехватывает дыхание.

Как же чертовски сложно не поддаваться этим внезапно вспыхнувшим чувствам. Слова — словами, логика — логикой. Но как заставить замолчать собственное тело? Как выкинуть из памяти это пьянящее, пугающее ощущение?

Я прожила восемнадцать лет, и за все это время ни один парень не вызывал во мне и тени подобных чувств. Меня ни раз зажимали подобным образом, пытаясь засунуть свой язык как можно глубже. Для меня подобные действия не впервой, я уже переживала такое. Но никто не заставлял кровь стучать в висках оглушительным барабаном. Никто не мог одним прикосновением свести с ума, смешав в коктейль ярость, страх и дикое, необъяснимое любопытство.

А он смог. С первого раза. С первого грубого, наглого поцелуя.

Это как открыть дверь в совершенно новое, запретное измерение. Ты всю жизнь спокойно ходил по знакомым комнатам, и вот — перед тобой портал в другую реальность. Темную, странную, манящую. И ты понимаешь, что шагнуть туда — опасно, что можно потерять себя. Но как устоять перед этим искушением? Как забыть тот всплеск адреналина, тот электрический разряд, что прошелся по каждому нервному окончанию?

— Просто не обращай на него внимания, — словно читая мои мысли, говорит Катя. — Игнор — лучшее оружие.

Я киваю, стараясь придать своему лицу уверенное выражение.

— Конечно. Буду просто игнорить его.

Но внутри я понимаю, что это будет самая сложная битва в моей жизни. Битва с самой собой. И не факт, что мне удастся победить.

На следующее утро я иду в универ, чувствуя себя как на минном поле. Каждый поворот коридора, каждая открывающаяся дверь заставляют мое сердце бешено колотиться. Я жду, что

из-за угла появится он – этот наглый, самоуверенный верзила, который вчера перевернул всю мою жизнь с ног на голову.

Но его нет.

Первая пара, вторая, третья... Я сижу на лекциях, напряженная как струна, и краем глаза сканирую аудиторию и коридоры. Ничего. Ни его мощной фигуры, ни этого пронизывающего, хищного взгляда.

К концу последней пары я наконец позволяю себе выдохнуть. Может, он одумался? Может, понял, что его дикие методы не работают, и отстал? Облегчение, сладкое и пьянящее, разливается по телу. Возможно, все вчерашние страхи и сомнения были напрасны.

Но расслабляться рано. Однотруппники, особенно девчонки, только и ждут повода, чтобы пристать с расспросами. И после пар они снова цепляются ко мне со своими дурацкими вопросами.

— Мила, ну расскажи наконец, кто для тебя Вершинин Демьян? Твой парень? — допытывается Лера, уже успевшая получить звание главной сплетницы в нашей группе.

— Нет, конечно! Не дай бог такой придурок будет моим парнем! — говорю я, думая совсем иначе.

— А почему он к тебе так клеится? — подключается другая однотруппница. — У вас что-то было?

Меня бесит это внимание. Бесит, что все говорят только о нем. Бесит, что я сама не могу выбросить его из головы. Я чувствую, как внутри снова закипает раздражение, смешанное с досадой.

— Ребята, отстаньте, пожалуйста, — срывается у меня, и в голосе слышна усталость. — У нас с ним ничего не было и он мне никто, больше мне вам рассказывать нечего, — вру я.

Ребята, скушаясь вздохнув, отходят, мигот потеряв всякий интерес. В этот момент ко мне подходит Настя, с которой мы быстро нашли общий язык. Она смотрит на меня с пониманием.

— Все достали? — тихо спрашивает она. — Пошли в ту кофейню на углу, выпьем кофе, отдохнешь от всех.

Я с радостью соглашаюсь. Мысль о том, чтобы посидеть в тихом месте и перевести дух, кажется мне райской. Мы собираем вещи и выходим из здания.

Солнце слепит глаза. Я делаю глубокий вдох, надеясь, что остаток этого дня пройдет спокойно. Мы с Настей спускаемся по ступенькам, я что-то рассказываю, и на мгновение мне действительно становится легче.

Но мое спокойствие длится недолго.

Из тени колонн у главного входа появляется высокая, мощная фигура. Он выходит так, словно ждал именно этого момента. В этот раз, к счастью, без дурацких цветов. Его руки свободно засунуты в карманы джинсов, но во всей его позе читается готовность к действию.

Демьян.

Он преграждает нам путь, его взгляд, тяжелый и прицельный, пригвожден ко мне. Воздух вокруг мгновенно сгущается, становится тяжелым и звенящим. Он медленно вынимает руку из кармана и жестом, не терпящим возражений, указывает на Настю.

— Ты, — его голос низкий и властный, — уйди отсюда. Нам с Милой нужно поговорить наедине.

Сердце у меня замирает, а затем принимается колотиться с бешеной скоростью. Нет. Только не это. Не сейчас.

— Настя никуда уходить не будет, — говорю я, стараясь, чтобы голос звучал твердо, хотя внутри все дрожит. — И мне с тобой разговаривать не о чем. А теперь уйди с дороги. У нас планы.

Его лицо мгновенно омрачается. В глазах вспыхивают те самые опасные искры, которые я уже видела в танцевальном зале.

— Ты что, не слышала, что я сказал? — его голос становится тише, но от этого лишь опаснее. — Я тебе уже говорил как-то — не смей мне дерзить. Или мне нужно снова повторить, чтобы твоя красивая головка наконец запомнила это?

Я чувствую, как по спине бегут мурашки от его тихого, пропитанного угрозой голоса. Но страха ему я показывать не собираюсь.

— Эй, — тихо, но решительно вмешивается Настя, делая шаг вперед. Ее голос дрожит, но она не отворачивается. — Не нужно так с ней разговаривать и оставь ее уже в покое. Она ведь сказала, что ей не о чем с тобой говорить.

Чувствую, как сердце сжимается от благодарности. Какая же все-таки Настя хорошая и добрая девушка. Мы обязательно станем хорошими подругами!

Однако Вершинину ее слова явно не нравятся. Демьян очень медленно переводит на нее свой взгляд. Тот самый взгляд, от которого у меня кровь стынет в жилах. Он смотрит на нее так, словно она — назойливое насекомое.

— Тебе, тупой уродке, слово не давали, — произносит он ледяным, отточенным как бритва тоном. — Так что заткнись и проваливай, пока я не сделал тебя изгоем всего универа.

Настя замирает, ее лицо заливается густой краской стыда и унижения. Ее глаза наполняются слезами. Она смотрит на меня растеряннo, виновато, а затем резко разворачивается и, прикрыв лицо рукой, почти бежит прочь.

— Настя! — кричу я ей вслед, и во мне все закипает от ярости. Я пытаюсь рвануться за ней, но железная хватка, резко оказавшаяся на моем запястье не дает мне сдвинуться с места.

Я поворачиваюсь к Демьяну, и вся моя накопившаяся злость вырывается наружу.

— Какой же ты все-таки омерзительный! Как ты посмел сказать такое Насте?! Довел ее до слез, чертов придурок! Отпусти меня немедленно!

Он не отпускает. Напротив, на его лице появляется та самая хищная, самодовольная усмешка, которая сводит меня с ума.

— Нет уж, милашка. Так просто ты не уйдешь.

Прежде чем я успеваю понять, что происходит, он резко наклоняется, и следующее, что я чувствую, — это его плечо, впивающееся мне в живот. Мир переворачивается с ног на голову. Я вижу землю, его спину и свисающие вниз собственные волосы. Ярость и шок на секунду лишают меня дара речи.

— Пусти! Что ты делаешь?! — наконец вырывается у меня, и я начинаю бить его по спине, отчаянно дрыгая ногами. Но это как комариные укусы для слона. Он даже не вздрагивает.

— Потерпи, лапуля, — раздается снизу его спокойный, насмешливый голос. — Какое-то время придется повисеть вниз головой. Ну, ты сама виновата — могла пойти добровольно.

И он большими, уверенными шагами начинает нести меня прочь от универа, будто я не живой человек, а вещь. Мельком я вижу испуганные и удивленные лица прохожих, но никто не решается вмешаться. А он просто идет, неся меня на плече, как трофей, как свою собственность. И от этого бессилия у меня слезы подступают к горлу.

Я беру все свои слова назад. Все, что я испытываю к Демьяну Вершинину — это жгучую ненависть и не более!

7 глава

ДЕМЬЯН

Я несу ее через парковку к своему мерсу, и черт возьми, каждая ее попытка вырваться лишь сильнее распаляет меня. Она бьется, как дикая кошка, ее кулачки молотят по моей спине, но это лишь приятное покалывание для меня. В ее ярости есть какая-то дикая, первобытная энергия, которая сводит меня с ума.

Открываю дверцу и почти швыряю ее на кожаное сиденье. Она тут же пытается выскочить, но я действую быстрее. Захлопываю дверь, щелкая центральный замок и обхожу машину, пока она дергает ручку и что-то кричит за тонированным стеклом.

Сажусь за руль. В салоне пахнет ее духами — что-то легкое, вишневое, чертовски манящее.

— Успокойся уже, — говорю я, заводя мотор. — Брыкаешься так, будто я тебя трахать насильно собираюсь. Мы просто мило побеседуем в приятном месте.

— Мне не о чем мило беседовать с таким отвратительным мужланом, как ты! — выдает она, сверкая глазами. Ее щеки горят румянцем, грудь вздымается от гнева. Выглядит чертовски сексуально.

Я лишь усмехаюсь и выруливаю с парковки. Она продолжает сыпать оскорблениями, и я терпеливо их выслушиваю. Пусть выпустит пар. Скоро она заговорит совсем другим тоном.

Я везу ее в один из лучших ресторанов города. Тот самый, куда трудно попасть без брони за месяц. Но для меня двери открыты всегда. Метрдотель встречает меня почтительным кивком и, бросив взгляд на мою спутницу, которая идет рядом с каменным лицом, смирившись, что никуда она от меня не денется, без лишних слов провожает нас в самый уединенный угол зала — в закрытую беседку с одним столиком, утопающую в полумраке и зелени.

Она плюхается на стул и скрещивает руки на груди, всем видом показывая, что находится здесь против своей воли. Игнорируя меню, она уставилась в окно.

Я делаю заказ, не спрашивая ее мнения. Лимонад, закуски, два основных блюда. Конечно, было бы неплохо выпить чего-нибудь горячительного, чтобы эта бунтарка расслабилась. Но я за рулем и мне еще тренировать сегодня малых.

Тишина, пока мы ждем заказ, становится гулкой. Мила даже не смотрит на меня.

— Ну что, — начинаю я, приступая к только что принесенным официантом блюдам. — Обсудим то, что вчера произошло между нами?

Ни слова в ответ. Только презрительный вздернутый подбородок.

— Я не смог сдержаться, Милана, — говорю я, и в голосе появляются те самые нотки, перед которыми не устояла еще ни одна дура. — Когда я увидел, как ты танцуешь... Ты была нереальна. Совершенна. Как будто сошла со страниц какой-то сказки. Твои движения, твоя грация... Я смотрел на тебя и просто потерял голову. Этот поцелуй... он был спонтанным. Я не планировал этого. Но я не мог иначе. И я знаю, что тебе он понравится тоже.

Я делаю паузу, давая ей прочувствовать мои слова. Она все так же смотрит в сторону, но я замечаю, как чуть дрогнули ее ресницы.

— С самого первого дня, как я тебя увидел, я схожу по тебе с ума, — продолжаю я, наливая в голос все больше страсти и искренности, которых на самом деле не испытываю. — Ты не такая, как все эти пустышки. В тебе есть огонь, характер. Ты загадка, которую я готов разгадывать всю жизнь. Эти холодные взгляды, которые ты бросаешь на меня, лишь разжигают во мне желание. Я не могу выкинуть тебя из головы. Все мои мысли лишь о тебе.

Я протягиваю руку через стол, чтобы коснуться ее пальцев, но эта стервочка резко отдергивает руку, как от огня. Наконец-то она поворачивает ко мне лицо. И в ее глазах я читаю не растроганность и не смятение, а чистый, беспримесный лед.

— Вершинин, — говорит она тихо, но так, что каждое слово отстукивает по моему самолюбию, как молоток. — Ты закончил свой спектакль?

Я замираю. У меня даже на мгновение перехватывает дыхание. Никто. Никто никогда не говорил со мной таким тоном.

— Если закончил, то можешь оставить эти дешевые дифирамбы для кого-то другого, — ее голос ровный и холодный, как сталь. — На тех, кто ведется на подобную лажу. Я не из их числа. Ты поступил как быдло, притащил меня сюда против моей воли, оскорбил мою подругу, и теперь думаешь, что несколько сладких фраз все исправят? Ты не в своем уме. Ты мне противен. И как мужчина и как человек. И никакие сказки о «безумии» и «нежности» этого не изменят.

Я сижу и смотрю на нее. Внутри все закипает. Гнев, ярость, унижение. Эта стерва. Эта простушка. Как она вообще смеет так со мной разговаривать. Смеет отвергать меня. И смотреть на меня так высокомерно.

Мои пальцы непроизвольно сжимаются в кулаки, но я заставляю себя расслабиться. На моем лице снова появляется улыбка, натянутая и злая.

— Хорошо, — говорю я, делая глоток вина. — Играем по-твоему. Но знай, Милашка... я никогда в жизни ни от кого не слышал «нет». И с тобой ничего не изменится. Ты будешь моей. Хочешь ты этого или нет.

— Да если в мире не останется ни одного мужчины, кроме тебя, я ни за что и никогда не стану твоей, — сверкает в мою сторону злобными, но такими горячими глазками. — Даже не надейся.

— Ну это мы еще посмотрим, — холодно улыбаюсь я.

Не желая и дальше унижаться перед этой высокомерной сучкой, я поднимаюсь. Кидаю на стол пару крупных купюр и ухожу.

Я обязательно влюблю в себя эту снежную королеву, чего бы мне это ни стоило.

Вечером я приезжаю на виллу к Серому. Его родители снова свалили куда-то за границу, так что мы можем оторваться по полной. Музыка бьет в уши, толпа озабоченных альфахей и гламурных куколок заполняет каждый уголок открытой террасы и бассейна. Воздух густой от запаха дорогого парфюма и дорогого алкоголя.

Я беру у пронсящегося официанта бокал виски и пробиваюсь к своей касте — нашей «золотой молодежи», которая тусуется у бара. Меня тут же обступают.

— Ну что, Дем, как там твоя та красивая первашка? — тут же начинает Кабанов, мой одноклассник, хлопая меня по плечу. — Я смотрю, она вообще буйная попалась. У тебя явно с ней проблемы.

Вокруг захихикали. Я делаю глоток виски, чувствуя, как обжигающая жидкость стекает по горлу. Надо бы выкинуть эту стерву из головы, но она там въелась, как заноза.

— Какие проблемы? — отвечаю я с небрежной ухмылкой. — Всё под контролем. Девчонка просто цену себе набивает. Но это ненадолго.

— Да ну? — в разговор вступает Серега с характерным ехидством в голосе. Он облачивается на стойку бара, и его взгляд становится насмешливым. — А по-моему, у нее неплохо получается тебя бортовать. Сначала она тебя послала и опозорила перед всем универом, а сегодня она с тобой так не хотела разговаривать, что тебе насильно пришлось ее уводить. Не сильно похоже на «всё под контролем», друг.

Тишина вокруг нашей группы становится гудкой. Несколько пар глаз с интересом уставились на меня. Я чувствую, как по спине пробегает горячая волна ярости. Блять, иногда меня пиздецки бесит Хитров. Знает ведь, как я ненавижу попадать в такие ситуации и специально их создает, гад.

— Это были вынужденные меры, — цежу я сквозь зубы, непроизвольно сжимая бокал. — У нее сложный характер. Я его ломаю. Так даже намного интереснее. Если бы была обычная девчонка, которая на меня вешается, было бы слишком скучно.

— Характер, говоришь, ломаешь? — Серый поднимает бровь и делает глоток своего пива. — А мне кажется, это она тебя успешно выводит на эмоции. Ты же в последнее время ходишь весь психованный и смотришь на эту девчонку так, словно сожрать ее готов. Признайся просто, что запал на нее.

Вокруг снова раздается сдержанный смешок. Кровь бьет в голову. Эта чертова Милана. Из-за нее я сейчас выгляжу как идиот перед всем этим сбродом.

— Я ни на кого не западал, — рычу я, уже не в силах скрыть раздражение. — Она просто строит из себя королеву. Но я все равно добыю своего и уже через неделю она будет моей.

— Ох, не уверен, — усмехается Хитрый, и в его глазах читается явное удовольствие от моей реакции. — По-моему, ты скорее сам в нее втрескаешься. Берегись, Дем, а то проиграешь по всем фронтам. И в споре, и по-настоящему.

Терпение, и без того натянутое как струна, лопается. Я резко разворачиваюсь к нему, отбрасывая в сторону пустой бокал. Он со звоном падает на плитку у бассейна, но грохот тонет в музыке.

— Ты у меня сейчас сам по всем фронтам проиграешь, придурок, — мой голос становится низким и опасным, рычащим. Я подхожу к другу вплотную, заставляя его оторваться от стойки бара. Воздух вокруг нас накаляется. Все затихает, наблюдая за разворачивающимся спектаклем. — Еще одно слово про нее, еще одна твоя ебучая «шутка»... и я тебе въебу так, что твои же родители с Мальдив приедут опознавать тело. Понял?

Стас замирает. Его самодовольная ухмылка медленно сползает с лица, сменяясь настороженностью. Он знает меня давно. Знает, что я не бросаю слов на ветер.

— Дем, чувак, расслабься, я же просто...

— Я не шучу, — перебиваю я его, впиваясь в него взглядом. Вся ярость, все унижение, которое во мне копилось из-за этой Миланы, теперь находит выход в нем. — Заткнись. Сейчас же.

Он отводит взгляд и поднимает руки в успокаивающем жесте.

— Окей, окей. Я понял. Перешел черту. Забудь.

Я еще секунду стою над ним, всем телом излучая угрозу, затем с силой выдыхаю и отступаю на шаг. Адреналин все еще пульсирует в висках.

— И чтобы я больше не слышал этот бред о том, что я якобы запал на какую-то нищесбродку, — бросаю я уже на всю группу, окидывая их тяжелым взглядом. — Ни от кого.

Поворачиваюсь и ухожу прочь от бара, оставляя за собой гробовое молчание. Мне нужен воздух. Или еще виски. Чтобы заткнуть этот чертов голос в голове, который шепчет, что, возможно, Серый был прав.

Но его слова, как черви, впиваются в мозг. И есть в них доля правды. Эта снежная королева плотно засела у меня в голове и даже не думает вылезать.

Нет. Так дело не пойдет. Нужно менять тактику. Если сладкие речи и грубая сила не работают... Значит, нужно найти другой подход. Более изощренный.

Я смотрю на танцующую толпу, но вижу только ее — ее холодные глаза, которые смотрят на меня с высокомерием и омерзением и упрямо сжатые губы, что так кайфово было целовать.

Я найду способ и тогда она от меня точно потеряет голову.

Я отхожу к краю террасы, опираюсь на перила и сжимаю их так, что костяшки белеют. В ушах все еще стоит гул от собственной ярости. Чертов Серый. Чертова Милана.

Позади слышатся легкие шаги на каблуках, а через мгновение чьи-то руки обвивают меня сзади за талию. К щеке прижимается нежная кожа. Я чувствую знакомый сладковатый аромат духов.

— Я все слышала, — тихо шепчет Марина, прижимаясь ко мне спиной. Ее голос ласковый, успокаивающий. — Неужели она правда тебе так сильно нравится? — ее голос звучит чуть тише, в нем проскальзывает неуверенная нотка.

Я резко выдыхаю и разворачиваюсь к ней, высвобождаясь из объятий. Она смотрит на меня большими, подведенными глазами, в которых читаются и преданность, и капелька тревоги.

— О чем ты? — брезгливо морщусь я. — Она обычная нищевродка, которая возомнила из себя королеву. А я просто не привык, чтобы мне отказывали. И исправляю эту ситуацию. Точка.

Лицо Марины светлеет, ее губы расплываются в довольной улыбке. Она снова прилипает ко мне, проводя ладонью по моей груди.

— Конечно, милый, конечно. Как скажешь. Давай лучше... забудем обо всех этих глупостях. — Ее пальцы начинают расстегивать пуговицу на моей рубашке. — Я помогу тебе расслабиться. Устроим тебе приятный вечер, а?

Я смотрю на ее старательное лицо, на ее явное желание угодить. И чувствую, как напряжение понемногу начинает отступать, сменяясь более простым и понятным чувством — возбуждением.

— Ладно, — хрипло соглашаюсь я, позволяя ей вести себя в сторону дома, в сторону одной из многочисленных гостевых спален. — Ты права. Мне нужно расслабиться.

Да, именно в этом и дело. Я слишком долго сосредоточен на этой стерве, слишком много нервов на нее потратил. И давно не трахался. Вот мой организм и выдает такие перекосы — дикую, неконтролируемую ярость и желание при одной мысли о ней. Стоит лишь хорошенько разрядиться с кем-то покладистым, вроде Марины, и эта дурь под названием Милана сразу же выветривается из головы. Это просто гормоны. Физиология.

Ничего больше.

8 глава

МИЛА

Я пятый раз перечитываю один и тот же абзац в учебнике по теории английского языка, но слова не складываются в смысл. Они просто плывут перед глазами бессвязной вереницей, а в голове, словно заевшая пластинка, крутится один и тот же момент.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.